

Социальная работа и психологическая природа поступка

Десятилетие перемен в жизни российского общества сопряжено с принципиальными изменениями в функциях служб социальной защиты. Эти изменения определяются стремлением государства облегчить материальное положение тех слоев населения, которые по тем или иным причинам не могут сами обеспечить себе достойное существование. Создана разветвленная сеть управления материальными ресурсами и гуманитарной помощью, система подготовки и переподготовки социальных работников. Иначе говоря, плохо или хорошо, но социальная помощь осуществляется. Можно утверждать, что сформировалась особая социальная прослойка, почти полностью находящаяся на содержании у государства. Зачастую ее представители проявляют значительную активность в "пробивании" тех или иных субсидий и льгот. И представителям социальных служб проще предоставить требуемую помощь, чем ввязываться в длительные конфликты с профессиональными жалобщиками. Работа с такими людьми превратилась для социальных работников в специальную проблему.

На мой взгляд, эта проблема порождена самой системой социальной защиты, а именно ее первоначальным невниманием к такому аспекту работы, который в практике зарубежных служб получил название "empowerment" — система мер по приданию клиентам силы в самостоятельном решении собственных проблем. В этом смысле цель социального работника состоит в том, чтобы достичь такого положения, при котором клиент, осознав собственные возможности в зарабатывании средств к существованию, сам отказался от услуг службы социальной защиты. Для принятия такого решения человеку необходима определенная решительность и смена личностной позиции с зависимой на независимую от того, что происходит в государстве. Это некий независимый выбор и самостоятельный поступок, к которому, как выясняется, готовы не все. Тем более, что такого рода поступок шел бы вразрез с самой нынешней идеологией социальной защиты, работники которой отчитываются не за уменьшение числа клиентов, а за увеличение объемов оказываемой помощи. Исходя из выше сказанного, исследование психологических механизмов принятия личного решения

и совершения поступка представляется очень перспективным. Такое исследование интересно и потому, что поступок, как выяснилось, занимал умы нескольких крупных мыслителей, но, тем не менее, эмпирически исследовался мало.

Поступок и свобода выбора

Среди разнообразных форм активности живых существ наукой выделены оппозиции: реакция и акция, поведение и деятельность. Особняком стоят поступок и деяние. В характеристиках реакций и поведения подчеркивается их детерминированность, иногда предопределенность, либо полное отсутствие, либо минимум свободы, прежде всего свободы воли. Напротив, в характеристиках действия, деятельности, поступка, деяния подчеркивается наличие свободы, вплоть до отождествления этих форм активности с ней. Следствием такого отождествления являются и характеристики человека, с одной стороны, как свободного, а с другой — как деятельного существа. Приведем высказывание Шеллинга: "Именно сама внутренняя необходимость умопостигаемой сущности и есть свобода; сущность человека есть его собственное деяние; необходимость и свобода существуют одна в другой, как одна сущность, лишь рассматриваемая с разных сторон и поэтому являющаяся то одним, то другим"¹.

Здесь интересно не только отождествление деяния и свободы, но и несводимость свободы к необходимости, как это было у стоиков, у Спинозы и в значительной мере также у Канта и Фихте².

Конечно, человеческая свобода связана не только с действием, деянием, но и с сознанием, с человеческим Я, но все же, если говорить о сущности человека, о генезисе свободы в психологическом смысле, то на передний план выступает не реакция, не рефлекс, а действие.

Так, до сих пор остается загадочным возникновение поступка. Кажется, что он подобен рождению Афродиты из пены морской. С трудом принимается взгляд на поступок как на порождение сознания, а тем более, как на итог всей жизни человека. Сознание "взрывается" поступком. При этом меняется и оно само.

При совершении поступка исчезает различие между внешним и внутренним. Человек реализует себя в нем как целое, к тому же как новое целое, как "собранный человек". Поэтому постороннему наблюдателю поступок нередко кажется беспредпосылочным, не-

¹ Schelling. Die Werke. Muenchen, 1927. С. 227.

² Ойзерман Т.И. Философия Гегеля как учение и первичности свободы // Вопросы философии. 1993. № 11. С. 58.

объяснимым. Таким же он может выступать и для совершившего его субъекта. Последующая рефлексия относительно совершенного поступка рождает в человеке уверенность в себе, веру в свои силы и возможности, меняет представление о самом себе. Другими словами, поступок рождает личность, которая, сформировавшись, также проявляет себя вовне, как целое. Поэтому она воспринимается не как нечто единичное, индивидуальное, но как нечто единственное, являющееся одновременно и разомкнутой и замкнутой целостностью. Жизнь личности это "хронический поступок", т.е. личность соединяет в себе и "поступающее мышление" (М.М.Бахтин) и деяние.

В культурно-исторической психологии, а затем и в психологической теории деятельности, представители которой много сил отдали тому, чтобы понять механизмы превращения внешнего во внутреннее, изучая интериоризацию внешних средств деятельности во внутренние способы ее реализации, далеко не все проблемы решены.

Во-первых, в этих направлениях доминировал ход извне внутрь. Конечно, постулировалось, наряду с процессом интериоризации, наличие обратного процесса экстериоризации, овнешнения, по Г.Г.Шпету, писавшему, что "реализация идеального — сложный процесс раскрытия смысла содержания, перевод в эмпирическое единственно действительное бытие"¹.

Но этот перевод практически не исследовался. Мало исследовалась сама жизнь внутреннего, его живые формы, их динамика, возникновение, развитие, умирание, способность к превращениям и к порождению новых форм новообразований.

Социальность или предметность поступка

Л.С.Выготский на первый план выдвигал, так сказать, социально-психологическую природу интериоризации, общий ход которой, согласно его взгляду, шел от интериндивидуального к интраиндивидуальному². Другими словами, интериоризации подлежала связь людей, т.е. культура. П.Я.Гальперин, в отличие от Л.С.Выготского, на первый план выдвигал предметную сторону интериоризации. В качестве первого ее этапа выступало предметное, материальное или материализованное действие³.

Непрерывно противопоставляя внешнее и внутреннее, тело и душу, философы, а тем более психологи, уходят от решения конкрет-

¹ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Ч. 3. СПб., 1923. С. 38.

² Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 4. М., 1984.

³ Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1982.

ных содержательных проблем. Например такой, как проблема анализа феноменов, характеризующих возникновение, развитие и совершение действий, преобразующих самого человека, "собирающих" его воедино и переводящих его сознание с бытийного на рефлексивный уровень функционирования (в первую очередь, здесь я имею в виду поступки) ибо предполагаю, что их основная функция состоит именно в собирании человека воедино, в слаживании его отдельных индивидуальных свойств в целостность, именуемую личностью).

В отечественной психолого-педагогической традиции имеется определенное синкретическое слияние в трактовке поступка и действия. Получается так, что поступок — это тоже некое действие, при этом действие, обязательно имеющее внешний план. С этой позиции совершить поступок в уме, про себя, так, чтобы об этом никто не знал, — это абсурд. Такое отождествление поступка и действия оставляет вне рассмотрения значительную подготовительную работу, предшествующую конкретному поступку, а также феномены внутреннего выбора, не имеющие отчетливых хронологических границ во внешних проявлениях. Примером этому может служить внутренняя смена научной парадигмы.

Кроме того очевидно, что поступок можно совершить, внешне ничего не делая, например, саботируя приказ, который внутренне не приемлем. Кроме этого, можно предположить, что поступок иерархически располагается выше действия в том смысле, что он богаче действия. Можно сказать и по-другому — он полнее действия. В нем должны быть задействованы более полные пласты душевных сил. Успешный поступок и успешное действие — это разные вещи. И критерии для их оценки в качестве успешных разные. Для оценки успешности действия используются процессуально-целевые критерии. Действие считается успешным, если оно либо выполнено в соответствии с алгоритмом, либо достигло цели, либо и то, и другое. Поступок вполне может не достигнуть цели и при этом считаться успешным, если он был произведен в виде очевидной попытки. Это уже может стать основанием для его положительной оценки. Так происходит от того, что базой для его оценки служит в основном не технологическая, а морально-этическая сфера. Об этом, собственно, и говорил М.М.Бахтин, выделяя в качестве одного из свойств поступка его нетехничность¹.

Рассуждая о поступке, никак не обойти характеристик морально-этической (аксиологической в терминах М.М.Бахтина) сферы и входящих в нее ценностей. В отличие от действия, поступок ори-

¹ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социальные науки Ежегодник 1984—1985 М, 1986

ентирован не только на цель, но и на ценность. И проблема поступка были бы несравненно "прозрачнее", если были бы раз и навсегда принятые во всех человеческих сообществах "расценки" на ценности, их иерархия. А это далеко не так. То, что в одних сообществах принято в качестве неоспоримой ценности, в других имеет совсем иную цену или вообще не включено в разряд ценностей. Кроме того, несомненно существует динамика ценностей во времени или вообще кардинальная смена ценностных координат. Отсюда конфликты поколений, антагонизмы между сообществами и следующая за этим переоценка значимости отдельных личностей и их поступков. При этом, чем значительнее смена координат, тем разительнее может оказаться изменение статуса исторического персонажа. Он может быть приподнят буквально с самого дна предыдущей иерархии или низвергнут с казавшегося незыблемым пьедестала.

Пространства ценностей и классификация поступков

Не исключено, что в сложности пространства ценностей коренится одна из причин острых личностных переживаний, нередко предшествующих принятию решения о совершении поступка. Быть может эти именно ценности из разных систем координат, вступая в противоречие между собой, по-разному окрашивая предполагаемые последствия еще не совершенного поступка, вызывают очевидную эмоциональную напряженность человека, стоящего перед значимым жизненным выбором. Эти переживания сопровождают внутреннюю работу по синтезу ценностных координат и приведению ценностей в хотя бы относительный порядок. Именно поэтому подготовка к поступку обладает значительным развивающим эффектом. Только "...вперившись глазами в смерть, мы что-то понимаем в жизни", — писал М.К.Мамардашвили¹. У Мамардашвили есть очень точный термин, имеющий самое непосредственное отношение к подготовке поступка. Это понятие — точка или момент повышенной интенсивности, в который человек как бы отрывается от привычного течения обстоятельств и отношений к ним. В этот-то момент только и можно говорить об истинно человеческом бытии, когда с полной нагрузкой работает сознание и активизируется личность. Впрочем, здесь М.К.Мамардашвили продолжает и развивает еще картезианскую традицию воззрений на человека².

В описываемом смысле само по себе исполнение поступка имеет гораздо меньшее значение для становления личности по сравнению с процессом выбора, подготовки к поступку. Сам поступок — уже факт,

¹ Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993 С 37

² Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию М, 1992

поэтому почти не имеет значения, насколько хорошо он выполнен. В то же время подготовка к поступку — это акт, требующий значительного мужества и откровенности в разбирательстве с самим собой, инвентаризации своих жизненных ценностей и предпочтений.

И все же нельзя заключить, что описанная драматургия поступка единственна или даже наиболее распространена. Часто поступки готовятся и исполняются очень быстро. Но что же отличает так сказать быстрый и безболезненный поступок от медленного и мучительного? Исходя из принятой нами картины, быстрая подготовка поступка возможна в том случае, когда нет необходимости в разбирательстве с ценностными координатами. Это — общая причина, но содержательные условия ее действия могут быть различными. И здесь мы можем предложить по крайней мере три варианта.

Первый случай состоит в том, что определяющая поступок ценность столь глобальна, что не идет ни в какое сравнение со всеми другими. Например, такой ценностью может быть жизнь ребенка. И тогда нет преграды или жертвы, которая остановила бы мать, если жизнь ее ребенка под угрозой.

Второй случай относится к компактной или малоразмерной индивидуальной системе ценностей, в которой в общем-то и "без микроскопа" ясно, что за чем следует и как выстраивается. На первый взгляд может показаться, что речь здесь идет о некоей примитивной морально-этической сфере. Но это далеко не всегда так. Сфера может быть *несложной*, но содержательно достаточно богатой и гуманистичной. В качестве примера можно привести так называемую крестьянскую мудрость и здравый смысл, позволяющие твердо стоять на земле и совершать прекрасные по своей чистоте поступки.

И, наконец, третий, но, конечно, не последний случай. Здесь условием совершения быстрого поступка является длительная внутренняя работа с ценностями, проведенная ранее или ведущаяся непрерывно. Эта работа позволяет поступку длиться, не прерываясь, как сказал бы М.К.Мамардашвили. В этом случае поступок-факт превращается в поступок-акт. А язык наделяет такой поступок отглагольной формой — поступление. Внутренняя работа самостроительства также происходит, не прекращаясь и ограняя личностные качества. В этом случае *поступок* превращается в средство саморазвития личности. Работа с ценностями, превратившись в самоценный механизм самостроительства, порождает уникальный феномен поступления, когда уже бессмысленно говорить о медленном или быстром поступке. Ведь это различие в определенном смысле находится под давлением принципа реактивности, так как о времени действия можно говорить, только имея начальную точку отсчета, момент воздействия на человека внешних обстоятельств. Если же поступление длится, то поступки возникают не как реак-

ции на ситуацию, а осуществляются изнутри, по велению самого становящегося Я. При этом может оказаться неважным, какова реально сложившаяся иерархия ценностей — ее консолидированность может обеспечить сильные поступки, независимо от их морально-этической оценки. В этот момент поступки сливаются, превращаясь в подвижничество или злодейство. Далее возможен и социальный эффект, когда личность провоцирует поступки других людей, кристаллизирует социальные сообщества.

Эти размышления о природе поступка во многом демонстрируют значительное разнообразие явлений, носящих общее название — "поступок".